

<http://thefireofthewar.ru/1418/index.php/vospominaniya/kniga-zhivykh-kniga-vtoraya/2881-pavel-rafes-mirnyj-chelovek-na-vojne>

Павел Рафес. "Мирный человек на войне"

Павел Рафес

Павел Михайлович Рафес родился в 1903 году на Украине. Учился в Петербурге и в Москве. Закончил биофак МГУ. По профессии — зоолог-энтмолог. Много лет провел в экспедициях по борьбе с вредителями тайги, в противочумных экспедициях на юге России. В войну — переводчик полковой и дивизионной разведки. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны и медалями. После войны — научный сотрудник лаборатории леса Академии наук СССР, доктор биологических наук.

Мирный человек на войне

Профессия у меня мирная: в 1925 году окончил Московский университет по специальности «зоология». Занимался борьбой с вредителями лесов и полей, причем не в теории. Немножко похоже на войну, но совсем немножко.

Когда Гитлер напал на нас, я не был мобилизован: призывали с 1905 года рождения, а я — 1903-го. Но в октябре 1941 года, когда под Москвой было очень плохо, я получил повестку, 18-го утром в составе команды вышел по маршруту Москва — Горький — Казань. Здесь в 20-й запасной бригаде я стал телефонистом, затем наводчиком батальонного миномета. На одной из учебных стрельб при 40-градусном морозе многие бойцы обморозились. Я обморозил лицо, бедро и пятку. Пятку хотели отнять,

упросил подождать до утра, она «ожила». Месяц ходил забинтованный, от маршевого батальона отставили. Когда повязку сняли, назначили писарем в штаб бригады.

Как писарь строевой части, участвуя в комплектовании маршевых частей, убедился в нехватке переводчиков. Я владел французским и английским. Решил, что мне нетрудно будет овладеть и немецким. Нашел учебники, словари, а тренировался с другими переводчиками: допрашивали друг друга.

Началась «война» с начальством: писарь я был неплохой и отпускать меня не хотели. Однако добился: был назначен переводчиком в 10-ю отдельную лыжную бригаду. Выгрузились мы в конце января 1943 года у города Калач. А дальше начался наш многокилометровый марш, больше пешком, чем на лыжах (начало таять), за войсками, наступавшими после победы под Сталинградом. Нам предстояло догнать передовые части, которые направлялись к Днепру, чтобы усилить их, Шли бойко, хотя и не без потерь от немецкой авиации. В бой вступили только 22 февраля в районе Барвенкова. С этого времени началась моя работа переводчиком, сначала в бригаде, а затем в 44-й гвардейской стрелковой дивизии, в одном из ее полков — 128-м гвардейском стрелковом. Тогда я и начал вести дневниковые записи. В этой прославленной дивизии я воевал до конца войны, главным образом в составе войск 2-го Белорусского фронта. Дошел до Берлина.

Наш путь пролегал на запад — по районам, где гитлеровцы уже осуществили свой каннибальский план уничтожения всего еврейского населения. Евреи нам не встречались, и лагеря смерти остались где-то в стороне. Но отголоски варварства XX века доходили до нас. Об этом — несколько фронтовых записей.

— В Илларионовке спрашивал хозяев о зверствах немцев, все ли немцы зверствовали одинаково. «Особенно мучили и издевались над евреями. Заставляли бесцельно таскать и перетаскивать огромные камни, валуны. В луже плавать. И в луже пристреливали. Один немец, глядя на эту страшную картину, с ума сошел, а остальные — ничего, спокойно зверствовали. Дома, которые не загорались, — взрывали. Жгли спокойно».

— В июле 1943 года среди доставленных в штаб немецких документов попала пачка бланков:

«Заявление.

После тщательной проверки данных, имеющихся в моем распоряжении, в соответствии со своим долгом заявляю, что я... и моя законная жена... являюсь чистокровным немцем, на... % являюсь еврейской помесью. Понятия «чистокровный немец» и «еврейская помесь» мне разъяснили мои начальники. Мне известно, что я подлежу наказанию, если будет доказано, что мои сведения неверны, — буду отставлен от службы, подвергнут высокому наказанию, а при отягчающих обстоятельствах буду приговорен к смерти.

Подпись.

Правильность вышеприведенных данных подтверждена проверкой документов о рождении и крещении до деда и бабки включительно.

Печать. Подпись, чин, должность».

— 5-го декабря на допросе Вилли Кениг сообщил, что «в Германии евреев нет. Все они уничтожены или направлены в гетто под Варшавой. Солдаты знают, что в мае-апреле в еврейском гетто было большое восстание, причем, оружие для него продали евреям немецкие солдаты».

— 10 июля 1944 года. Австриец Везингер хорошо отзываясь о евреях: трезвый, умный, деловой, любознательный народ. Он имел много товарищей-евреев. «Каждая венская семья должна иметь домашнего еврея». С 1938 года сношения с евреями стали наказуемыми. Евреев репрессировали, а главное — лишили всех прав, тем самым обрекли на умирание. В октябре он был в Вене, видел единичных евреев с нашитыми шестиконечными звездами и нашивками «Юде». Антисемитизм чужд австрийцам и немцам, его привили фашисты. Вдохновитель антисемитизма — Штрайхер — редактор газеты «Дёр Штюрмер».

— Дяде пленного Гуго Кольберга предложили развестись с женой еврейкой, но он эмигрировал и стал профессором Нью-Йоркской консерватории.

— В «Руководящих указаниях офицерам национал-соц. руководства 542 дивизии» сказано в п.2 — «Постоянно вызывать у личного состава дивизии ненависть к еврейско-большевистскому врагу...».

— По словам Эриха Кёпица, «германское население в массе не знает о существовании лагерей уничтожения».

— В «Листке новостей дивизии дубовой ветви» помещена «Заповедь порядочности». В ней, в частности, говорится: «Лицо войны изменилось. Нас потеснили русские, и мы вынуждены воевать на своей территории... Этот факт заставляет нас рассматривать поведение в отношении гражданского населения и его собственности в ином свете. Если на территории врага мы применяли жестокость, то по отношению к собственному населению этот способ обращения применяться не может и не должен».

Оглядываясь на пройденный путь и вспоминая многочисленные допросы, могу сказать, что немцы в плену — жалкие трусы, оболваненные пропагандой, запуганные страхом смерти в советских лагерях, готовые лизать руки нашим офицерам, чтобы сохранить жизнь. В их поведении и рассуждениях не было только одного: ни разу (пусть притворно) не было высказано осуждение гитлеровского нападения на советский народ или сожаления, что пришлось в этом участвовать. Только попытки «умыть руки»: «Вы мне можете поверить, господин офицер, я ни разу не стрелял в ваших». [11; 234-237]

■